Татьяна
НИКОЛАЕВА

*

внуку Саньке

Ящерка бежит по полю,
шелковиста, зелена.
Эту маленькую волю
поглощает тишина,
а лучи ассистом стелют
по пути тепло Творца...
В свежескошенной постели
мне не надобно лица.

Улыбаюсь во всю душу,
под июльским солнцем сплю:
ничего-то не нарушу,
никого не погублю,
никакого чувства — кроме
бессловесной тишины:
тело — в неге, мысли — в коме,
и врачи мне не нужны!

Прямо в сердце вечность льётся,
и стрекочет, и звенит...
А когда душа проснётся, —
заглянёт в неё зенит.
... Ящерка уже сбежала,
а душа ещё бежит,
и пронзительное жало
благодарности дрожит...

*

маме Тамаре

Горлицы в липе — как ангелы в хате.
Ты приглядись и увидишь:
здесь непривычно-приятен, понятен
русский, украинский, идиш.

Или закрой свои гулкие очи,
вслушайся в тени зари:
плачут — смеются — вздыхают — пророчат
все, кто гнездится внутри.

Те, кто снаружи — случаен, не нужен!
Нам благодатно и без...
если войны не случится на ужин
под мановенье небес.

Липа гулит, осыпаются звёзды
от приближенья Луны.
Нам загнездиться на липе не поздно,
если не будет войны.

МОЙ КИТЕЖ

Перечитывая Макса Волошина,
понимаю, что душа моя сношена,
разворована, отравлена сплошь.

Перечитываю Макса, и кажется:
духи века надо мною куражатся,
И зазывность обещаний их — ложь!

А всего-то: лишь столетьем обмерена
Максом петая праматерь Киммерия,
дух Европы пред которой — душок

со своей высокопарною готикой,
с феминизмами, коммуной, эротикой, —
от животной вошкотни на вершок.

Перечитываю Макса, и мнится:
вот сейчас перевернётся страница
и — коктебельское солнце — волной! —

сокрушая наши «недо-» и «надо!»
пронесётся над могилами града,
так признательно любимого мной.

Нет, не Китежа, а города-ЗЭКа,
на костях перемоловшего века
пренебрегшего сверканьем столиц...

И лучи его проспектов, как спицы
боевой передовой колесницы,
переполнены и судеб, и лиц.

Эти судьбы были временем скошены,
захоронены, и, Макса Волошина
перечитывая, падаю ниц:

Ты меня не понимаешь, мой «Китеж»?
В преисподнюю меня не похитишь?..
Я согласна — средь любимых страниц.

*

«А жизнь летит быстрей, чем деньги,
И всё — на ветер...»
(Инна Лиснянская)

...немножко есть. Допью, и будет классно!
Душа моя занозна, но атласна,
и каждый коготок оставил след.
Душа моя умеет быть причастной
и к снам, и к толкованиям примет.

Приметны стали признаки распада,
но не в природе! Этому я рада,
а нас ей пережить — не в первый раз
от первого завистливого гада
до четырёх раздраившихся рас.

Проплакала всю ночь. Сегодня — проще:
мой кошелёк, от соучастья тощий,
лежит на полке обувной в углу.
А сон мне был: вот бабушка полощет
бельё в реке, не сопричастной злу, —

покойная моя Анастасия...
В её судьбу вместилась вся Россия
крестьянская... ко мне вот забрела,
из Рая, знамо, ибо не вкусила
Анастасия в этой жизни зла.

С ВЕРОЙ В ГРУДИ

На Украине — окраине бывшей Руси —
маму мою ты помилуй, мой Бог, и спаси!
Я-то в России бытую в классическом стиле.
К пашням слетелись грачи и скворцы — это май:
с верой в груди и с лопатой в руках принимай
всех, кто тебя за твоё вольнодумство простили.

На Украине бандеровцы режут века,
перелицовывают свой зипун, а пока
ржавеет кровью асфальт пресловутых майданов.
Ну а на пашнях — страда: и грачи, и скворцы
дюбают вредных личинок, не метя в отцы
братских народов. Да только до братства куда нам?

Вроде бы Новый Завет имплантирован в нас,
все — христиане... Пока же психоз не угас,
судим друг друга по имиджу и по породе.
Предок забыт. Окопались. Построен редут,
мама мне писем не пишет — они не дойдут,
папа на кладбище знает: и это проходит.

СНЕГ

памяти бабушки Анастасии

Очень медленный вертикальный снег —
это память детства, где страха нет:
бережливая бабушка штопает мой носок,

улыбается мысли, влетевшей в её лицо,
на руке мерцает серебряное кольцо,
и очки на лице — немного наискосок.

Первозданное чувство в груди — вертикальный снег:
это мамы, с работы вернувшейся, тихий свет,
это хлеба горячего запах — с её руки.

«Мне горбушку!..» Она смеётся, и мир большой,
и пушистое тёплое облако над душой,
потому что завтра мы будем играть в снежки!

Потому что ещё далеко до меня, сейчас
и вот здесь отправляющей внука в четвёртый класс:
за окном — вертикальный снег, и душа бела.

После школы вернётся румяный и весь в снегу,
и горбушку душистую выклянчит на бегу...
Я такой же была. Я была. Я уже была.

КУХНЯ

Грохот посуды на коммунальной кухне:
моет посуду соседка. Куда же деться?
Что там — стихи, если мысли уже потухли
в грохоте быта?
Такое у внука детство.

Дочери тоже пришлось здесь поупражняться
под перестроечные сквозняки и битвы.
Вроде притихло, когда ей стукнуло двадцать.
Стукает тридцать
опять под мои молитвы.

Что нам — посуда? Ей пользовались и атланты.
Вот представляю, какие гремели громы!
Мы-то, как крысы: слабо? — забегай на ванты...
Здесь не корабль.
Я — поэт вообще-то, дома.

Бедной соседке ведь тоже пришлось смириться
с белой вороной у кухонного стола
над выправляемой очередной страницей
спущенного в рассрочку
добра и зла.